

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.Ю. Полякова, Л.И. Смирных

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРУДОВЫХ ДОХОДОВ
МЕЖДУ МЕСТНЫМИ РАБОТНИКАМИ
И ИНДИВИДАМИ С ИММИГРАЦИОННЫМ
ПРОШЛЫМ: ИМЕЕТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ
ЭТНИЧНОСТЬ?**

Препринт WP15/2016/03
Серия WP15
Научные труды Лаборатории
исследований рынка труда

Москва
2016

Редактор серии WP15
«Научные труды Лаборатории исследований рынка труда»
С.Ю. Роцин

Полякова, Е. Ю., Смирных, Л. И.

Дифференциация трудовых доходов между местными работниками и индивидами с иммиграционным прошлым: имеет ли значение этничность? [Электронный ресурс] : препринт WP15/2016/03 / Е. Ю. Полякова, Л. И. Смирных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (800 Кб). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – (Серия WP15 «Научные труды Лаборатории исследований рынка труда»). – 28 с.

Цель данного исследования состоит в определении размера и причин дифференциации трудовых доходов между индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками и выявлении роли этничности в этом неравенстве на российском рынке труда. Для анализа были использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2004–2012 гг. Расчеты проводились с применением методов декомпозиции Блайндера – Оаксаки и Брауна.

В результате исследования было установлено, что по наблюдаемым социально-демографическим характеристикам и распределению по секторам экономики этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым схожи с местными работниками. Их трудовые доходы на 2% выше трудовых доходов местных работников. При этом трудовые доходы этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым на 13% ниже трудовых доходов местных работников. Наибольший вклад в это неравенство вносит секторная сегрегация рабочих мест, увеличивая почти на 30% неравенство трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками.

Классификация JEL: J61; J15; J21; J31; J23

Смирных Лариса Ивановна – д.э.н., профессор Департамента прикладной экономики факультета экономических наук НИУ ВШЭ, заместитель руководителя Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ; E-mail: lsmirnykh@hse.ru.

Полякова Евгения Юрьевна – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет экономических наук, м.н.с. Лаборатории исследований рынка труда; E-mail: eypolyakova@hse.ru.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Полякова Е. Ю., 2016

© Смирных Л. И., 2016

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2016

Введение

После распада Советского Союза Россия стала страной, принимающей большие иммиграционные потоки из бывших союзных республик. Ежегодно на российском рынке труда оказываются около 1,5 млн трудовых мигрантов из бывших республик Советского Союза [Ионцев, Ивахнюк, 2012]. Доля иммигрантов в трудоспособном возрасте из стран Содружества Независимых Государств (СНГ) насчитывает почти 81% от их общего потока [Захаров, 2015].

Иммигранты, оказавшиеся на российском рынке труда, часто отличаются от местных работников по своим производительным характеристикам (например, по накоплению человеческого капитала), а также по этническим признакам. Они не всегда занимают рабочие места, одинаковые по характеристикам с рабочими местами, на которых трудятся местные работники. При этом обе группы могут быть одинаково производительными, заняты на одних и тех же рабочих местах (секторах экономики, профессиях), но при этом их трудовые доходы могут различаться.

Различия в трудовых доходах между местными работниками и иммигрантами связываются, как правило, с их различиями в статусе гражданства [Gordon, 1995; Farer, 1995; Bratsberg et al., 2006]. Однако значительное количество исследований указывает на то, что различия в трудовых доходах возникают не только по причине отсутствия у них гражданства принимающей страны, а часто по этническому признаку или в результате комбинации гражданства и этничности [Glitz, 2012; Catanzarite, 2000; Wright, Ellis, 2000; Neuman, Silber, 1996].

Изучение неравенства в трудовых доходах, которое обусловлено этническими различиями между местными работниками и иммигрантами, представляет интерес в контексте возможностей ассимиляции иностранной рабочей силы на рынках труда принимающих стран. Для России это имеет значение, поскольку поток иммигрантов в страну постоянно увеличивается и состоит не только из этнически русских, но и этнически нерусских работников. За годы, прошедшие после распада Советского Союза, часть иммигрантов из бывших республик получила российское гражданство. Другая часть иммигрантов, выполняя определенного вида работы, находится на российском рынке труда непродолжительное время (менее пяти лет) и не имеет российского гражданства.

Пребывая длительное время на российском рынке труда, этнически русские и этнически нерусские иммигранты по-разному адаптируются и ассимилируются с местными работниками. Результаты ассимиляции проявляются, наряду с другими, в неравенстве трудо-

вых доходов между этнически русскими и нерусскими иммигрантами и местными работниками.

Изучению различий в трудовых доходах между местными работниками и иммигрантами посвящено значительное количество зарубежных исследований [Islam, Parasnis, 2014; Hofer et al., 2014; Cabral, Duarte, 2013; Aldashev et al., 2012; Montoya, Giordano, 2011; Lehmer, Ludsteck, 2011; Neuman, Silber, 1996]. Согласно результатам большинства из них, иммигранты часто зарабатывают меньше, чем местные работники [Hofer et al., 2014; Cabral, Duarte, 2013; Aldashev et al., 2012; Lehmer, Ludsteck, 2011; Montoya, Giordano, 2011]. В одних случаях это объясняется меньшими накоплениями человеческого капитала иммигрантов по сравнению с местными работниками [Aldashev et al., 2012; Lehmer, Ludsteck, 2011; Montoya, Giordano, 2011]. В других причиной является «самоотбор» иммигрантов в низкооплачиваемые сферы деятельности [Catanzarite, 2000; Waldinger, Bailey, 1991]. В третьих указывается, что иммигранты являются дискриминируемой группой на рынке труда [Aldashev et al., 2012; Cabral, Duarte, 2013; Hansen et al., 2010]. При этом разрыв в заработных платах связан часто с этничностью иммигрантов [Zorlu, 2013; Lehmer, Ludsteck, 2011; Fontaine, 2008; Neuman, Silber, 1996].

В России количество исследований о различиях трудовых доходов между местными работниками и иммигрантами незначительно. Во многом это объясняется отсутствием данных, подходящих для проведения такого рода анализа. Вместе с тем имеющиеся результаты по России указывают, что в среднем заработная плата у иммигрантов (иностранцев) ниже, чем у местных работников [Вакуленко, Леухин, 2016; Полякова, Смирных, 2015; Григорьева, Мукомель, 2014; Чернина, Локшин, 2013; Commander, Denisova, 2012; Зайончковская, Тюрюканова, 2010].

При этом различия в заработных платах объясняются разными причинами. Так, например, в исследовании Григорьевой и Мукомель [2014] выявлено, что мигранты получают значительно меньше россиян, занятых на аналогичных трудовых позициях. В исследовании Вакуленко, Леухина [2016] определяется дискриминационный разрыв заработных плат иностранных и местных работников и отмечается, что наибольший вклад в его величину вносят отрасли (или виды экономической деятельности), в которых заняты работники. Однако используемая авторами методика позволяет определить только краткосрочные различия в заработных платах между иностранными и местными работниками и не дает возможности оценить эффект ассимиляции иностранных работников, который проявляет себя только с течением времени.

Кроме того, во всех этих исследованиях в качестве иммигрантов рассматривается иностранная рабочая сила, состоящая в подавляющем большинстве из этнически нерусских работников, привлекаемых работодателями в определенные сектора экономики. Хотя в отдельные годы поток иммигрантов в значительной мере состоял из этнически русских индивидов [Lazareva, 2015].

Оставаясь на российском рынке труда длительное время, иностранные работники могут получить гражданство, но не утратить этничность. Это со временем может привести либо к сокращению неравенства их трудовых доходов с местными работниками, либо, наоборот, увеличить или не изменить его. Но в предыдущих исследованиях по России этничность как параметр, влияющий на неравенство трудовых доходов, никак не учитывался.

Вместе с тем косвенно на значение этничности для неравенства трудовых доходов указывают результаты исследования Лазаревой [2015]. В них показано, что этнически русские иммигранты, для большей части которых русский язык является родным, и они получали образование на русском языке, минимально подвержены дискриминационным практикам на рынке труда по сравнению с другими группами иммигрантов. А в работе Поляковой, Смирных [2015] выявлено, что этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым зарабатывают меньше местных работников, и большая часть этого разрыва приходится на долю влияния ненаблюдаемых факторов.

Вместе с тем исследований, которые бы показывали на российских данных различия в трудовых доходах между этнически русскими и этнически нерусскими иммигрантами по сравнению с местными работниками и объясняли причины этих различий, не существует. Для подробного изучения этого вопроса и было выполнено данное исследование. Его целью является определение размера и причин дифференциации трудовых доходов между индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками и выявление роли этничности в этом неравенстве на российском рынке труда. Для анализа мы использовали данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2004–2012 гг. В качестве объекта исследования мы рассматривали, в отличие от других работ по России, информацию об индивидах с иммиграционным прошлым. К ним мы относили этнически русских и этнически нерусских индивидов, которые не рождены в Российской Федерации и которые на текущий момент либо еще не имели российского гражданства, либо уже получили его.

Как и другие исследователи [Вакуленко, Леухин, 2016; Локшин, Чернина, 2013], мы применяли метод Блайндера – Оаксаки, чтобы определить общую дифференциацию тру-

довых доходов этнически русских и этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым по сравнению с местными работниками. При этом мы выполняли расчеты на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, как Лазарева [2015], но не только для этнически русских, но и для этнически нерусских иммигрантов, и за более длительный период. Дополнительно мы определяли, какая часть неравенства трудовых доходов объясняется неравномерным распределением местных работников и работников двух этнических групп по секторам экономики [Wei, Lu, 2007; Meng, Zhang, 2001; Neuman, Silber, 1996], используя метод декомпозиции Брауна [Brown et al., 1980].

Работа состоит из введения, заключения и трех основных частей. В первой части рассматривается релевантная теоретическая и эмпирическая литература. Во второй части представлены данные и методология исследования. Третья часть включает результаты анализа и их обсуждение.

2. Обзор литературы

Большинство исследований по дифференциации трудовых доходов иммигрантов (индивидов с иммиграционным прошлым) и местных работников выполнены в европейских странах и США [Hofer et al., 2014; Cabral, Duarte, 2013; Aldashev et al., 2012; Montoya, Giordano, 2012; Lehmer, Ludsteck, 2011; Bartolucci, 2010; Behtoui, 2004; Meng, Zhang, 2001].

По их результатам можно составить представление не только о размерах, но и о причинах различий заработных плат местных работников и иммигрантов. Например, для Германии было установлено, что заработная плата у местных работников-мужчин на 11,3%, а у женщин на 20% выше, чем у иммигрантов, соответственно мужчин и женщин. При этом ненаблюдаемые различия в производительности между двумя группами объясняют около 51% разрыва в заработных платах у мужчин и около 88% у женщин [Aldashev et al., 2012]. В другом исследовании по Германии отмечается, что разница в заработных платах между иммигрантами и местным населением в среднем составляет 13% [Bartolucci, 2010]. Различия в оценках обусловлены разными выборками и годами проведения анализа¹.

В Аргентине разрыв в заработных платах местных работников и внешних иммигрантов составляет 70% для женщин и 39% для мужчин в пользу местного населения. Однако вклад ненаблюдаемых факторов объясняет лишь 15,6% разрыва заработных плат для женщин и 20,20% для мужчин [Montoya, Giordano, 2012].

¹ В одном исследовании использовались данные (cross-sectional) за 2005 г. [Aldashev et al., 2012], а в другом панельные данные за 1995–2005 гг. [Bartolucci, 2010].

Для Португалии разрыв в заработных платах между иммигрантами и местными работниками равен 13,9%, и большая его доля приходится на различия в наблюдаемых социально-демографических характеристиках двух групп [Cabral, Duarte, 2013].

Исследования на австрийских данных свидетельствуют, что заработная плата местного населения на 15% выше, чем заработная плата иммигрантов, а влияние ненаблюдаемых факторов объясняет малую часть этой разницы (3–5%) [Hofer et al., 2014].

Считается, что среди прочих социально-демографических характеристик этничность и языковые отличия иммигрантов от местных работников оказывают наибольшее влияние на дифференциацию их заработных плат [Lazear, 1999; Zorlu, 2013]. Индивиды, плохо владеющие языком принимающей страны, склонны искать работу через социальные сети, что ведет к их занятости в определенных секторах экономики и негативно отражается на уровне трудовых доходов [Bauer et al., 2005]. Напротив, если иммигранты схожи по своим социально-демографическим характеристикам с местными работниками и к тому же не имеют с ними культурных и языковых различий, то дифференциация заработных плат между ними и местными работниками может отсутствовать или быть минимальной [Zorlu, 2013].

Различия в заработных платах между иммигрантами и местным населением оцениваются, как правило, с использованием стандартного метода разложения Блайндера – Оаксаки [Blinder, 1973; Оакаса, 1973]. Этот метод позволяет выявить, какой вклад вносит разнородность наблюдаемых и ненаблюдаемых характеристик двух групп в дифференциацию их заработных плат. Однако с помощью этого метода нельзя определить, какой вклад в дифференциацию заработных плат вносит неравномерное распределение работников по отраслям (секторам) экономики. Чтобы решить этот вопрос исследователями часто используется декомпозиция Брауна [Brown et al., 1980]. Метод Брауна дает возможность оценивать не только вклад наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов, но и влияние межсекторной сегрегации на дифференциацию заработных плат между двумя группами.

С помощью метода Брауна для Израиля, в частности, было установлено, что вклад сегрегации в дифференциацию заработных плат между местными работниками и иммигрантами составляет 70% [Neuman, Silber, 1996]. Для Китая расчеты показали, что вклад сегрегации в дифференциацию заработных плат между иммигрантами из сельской местности и местными работниками составляет 4,85% [Meng, Zhang, 2001]. В Бразилии сегрегация объясняет 7,29% дифференциации заработных плат между местными работниками и чернокожими иммигрантами [Arcand, 2004].

Российские исследования по дифференциации заработной платы между иммигрантами и местными работниками весьма ограничены. Так, Андриенко и Гуриев [2006] указывают, что профессиональная структура иммигрантов в России смещена в сторону низкоквалифицированных работников с низким уровнем заработной платы.

Согласно выборочным опросам Центра миграционных исследований, различия в среднемесячной зарплате россиян и мигрантов составляют 10–15%, а в период кризиса они возрастают до 21% [Зайончковская, Тюрюканова, 2010]. Размер среднечасовой оплаты труда у мигрантов в среднем на 42% ниже, чем у российских работников.

В исследовании Григорьевой и Мукомель [2014] выявлено, что мигранты получают значительно меньше россиян, занятых на аналогичных трудовых позициях. Авторы приходят к выводу, что мигранты и россияне не конкурируют на российском рынке труда, поскольку занимают различные по качеству трудовые места.

С использованием данных по миграционным квотам было установлено, что иностранные работники в России зарабатывают меньше, чем местные работники [Commander, Denisova, 2012]. В 2009–2013 гг. средняя заработная плата российских работников с производительностью мигрантов превышала среднюю зарплату мигрантов на 40%. При этом наибольший вклад в объяснение дискриминационного разрыва вносят отрасли (или виды экономической деятельности), в которых заняты работники [Вакуленко, Леухин, 2016].

Другие исследования показывают, что заработная плата иммигрантов из Таджикистана гораздо ниже по сравнению с заработной платой местных работников. В 2007 г. разрыв в заработных платах по наблюдаемым характеристикам двух групп составил 37%, а в 2009 г. уже 45% [Чернина, Локшин, 2013].

Отставание этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым от местного населения по уровню трудовых доходов достигло наиболее высокого уровня (20,58%) в период экономического спада 2008–2009 гг. [Полякова, Смирных, 2015]. При этом большая часть этого отставания происходила по причине влияния ненаблюдаемых факторов, приводящих к ненаблюдаемым различиям между группами.

Этнически русские иммигранты занимают особое положение на российском рынке труда. Их присутствие негативно влияет на занятость, но не снижает уровень заработных плат местных работников [Lazareva, 2015].

На российских данных нет исследований, которые бы показывали отличия в дифференциации заработных плат между местными работниками и этнически русскими и нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым. Вместе с тем знания об этих отличиях имеют значение для понимания функционирования российского рынка труда. В частно-

сти, они характеризуют возможности адаптации и ассимиляции для различных этнических групп, объясняют причины и масштабы дифференциации трудовых доходов между группами, а также факторы, оказывающие влияние на неравенство трудовых доходов на российском рынке труда.

3. Данные

Для выполнения исследования были использованы данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2004–2012 гг. Анализ проводился для индивидов-мужчин в возрасте от 18 до 60 лет и женщин от 18 до 55 лет, которые удовлетворяли хотя бы одному условию: имели постоянную работу; выполняли какую-либо оплачиваемую работу за последние 30 дней; находились в оплачиваемом отпуске (кроме отпуска по уходу за ребенком); пребывали в неоплачиваемом отпуске.

Респонденты, не рожденные в России, считались индивидами с иммиграционным прошлым и имели либо русскую, либо нерусскую этничность.

Размер выборки с учетом всех пропущенных значений составил 27 272 наблюдения. Количество индивидов с иммиграционным прошлым в выборке насчитывало 18,84% (5 137 наблюдений), из них 14,62% были этнически русскими, а 5,74% этнически нерусскими. Количество местных работников в выборке составляло 81,16% (22 135 наблюдений). Средняя продолжительность пребывания индивидов с иммиграционным прошлым на российском рынке труда составила 28,6 лет. Этнически русские индивиды находятся на нем дольше (29,1) по сравнению с этнически нерусскими индивидами (23,3). Доля индивидов с иммиграционным прошлым, проживающих в России более 25 лет, составляет более половины (54%) от их общей численности. Среди этнически русских такой стаж пребывания на российском рынке труда имеют почти 59%, а среди этнически нерусских только 40% индивидов. При этом численность индивидов, которые находятся в России менее 10 лет, среди этнически русских в два раза меньше (8%), чем среди этнически нерусских индивидов (17%).

Описание переменных

Основная зависимая переменная, трудовой доход, включает в себя не только заработную плату, но и другие денежные выплаты (премии, бонусы, компенсации, материальную помощь и др.), которые могли получать работники после вычета налогов.

Для расчетов использовался логарифм уровня часового трудового дохода. Для этого уровни месячных трудовых доходов были разделены на количество часов работы в месяц и приведены к ценам 2004 г.

В качестве контрольных использовались следующие переменные: три уровня образования (общее среднее, профессиональное и высшее), возраст и квадрат возраста, гендерная принадлежность (1 = мужской), специфический стаж (в годах) и квадрат специфического стажа, профессиональные группы за исключением «военнослужащих» (законодатели, крупные чиновники, управляющие; профессионалы с высшим образованием; профессионалы со средним специальным образованием; служащие конторские и по обслуживанию клиентов; занятые в сфере обслуживания; квалифицированные сельскохозяйственные работники и работники рыбной промышленности; ремесленники; промышленные рабочие; разнорабочие), тип населенного пункта места проживания (1 = город), семейный статус (1 = состоит в браке), наличие детей (1 = есть хотя бы один ребенок).

Виды деятельности (отрасли)² представлены укрупненно³, по примеру других исследователей [Meng, Zhang, 2001; Arcand, 2004]. К первой группе (реальный сектор) были отнесены промышленность и строительство. Вторая группа (сервисный сектор) объединила транспорт и связь, торговлю и бытовое обслуживание, финансы, жилищно-коммунальное хозяйство. Третья группа (общественный сектор) включает науку и культуру, а также здравоохранение.

4. Основные описательные статистики

В целом индивиды с иммиграционным прошлым мало отличаются от местных работников (табл. 1).

При этом местные работники наиболее близки по своим социально-демографическим характеристикам с этнически русскими индивидами и значительно менее схожи с этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым.

Этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым работают большее количество часов (на 0,5 часов) и зарабатывают в месяц в среднем больше (на 268 руб.) по сравнению с местными работниками (табл. 1). При этом их средний стаж на одном предприятии меньше, чем у местных работников (на 0,63 года). Кроме того, этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым и местные работники практически одинаково распределены по секторам экономики (рис. 1).

² За исключением таких видов деятельности, как «сельское хозяйство»; «армия, МВД, органы безопасности»; «органы управления», а также видов деятельности, отнесенных к категории «Другое».

³ В силу малого количества наблюдений по отдельным разукрупненным видам деятельности (отраслям).

Таблица 1. Описательная статистика основных переменных

Название переменных	Среднее значение (стандартное отклонение)				
	Всего	Местные работники	Индивиды с иммиграционным прошлым	Этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым	Этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым
	1	2	3	4	5
Уровень месячного трудового дохода, руб.	9612,89 (4502,85)	9619,60 (4500,24)	9538,97 (4514,40)	9887,73 (4658,85)	8729,27 (3959,05)
Количество часов работы в месяц	175,30 (44,35)	174,92 (44,20)	176,94 (44,94)	175,46 (43,69)	181,07 (48,07)
Уровни образования:					
общее среднее и ниже	0,07 (0,25)	0,07 (0,25)	0,08 (0,26)	0,07 (0,25)	0,11 (0,31)
среднее профессиональное	0,64 (0,47)	0,64 (0,47)	0,64 (0,48)	0,64 (0,48)	0,62 (0,48)
высшее	0,29 (0,45)	0,29 (0,45)	0,28 (0,45)	0,29 (0,45)	0,27 (0,44)
Стаж работы на одном предприятии, лет	6,57 (7,93)	6,69 (8,04)	6,04 (7,40)	6,06 (7,45)	5,98 (7,28)
Возраст, лет	37,82 (10,79)	37,91 (10,79)	37,44 (10,79)	37,07 (10,63)	38,48 (11,16)
Гендерная принадлежность (1 = мужчина)	0,51 (0,49)	0,51 (0,49)	0,53 (0,49)	0,53 (0,49)	0,54 (0,49)
Тип населенного пункта (1 = город)	0,79 (0,40)	0,79 (0,40)	0,79 (0,40)	0,80 (0,39)	0,74 (0,43)
Семейный статус (1 = в браке)	0,86 (0,34)	0,86 (0,34)	0,86 (0,33)	0,87 (0,33)	0,86 (0,34)
Наличие детей (1 = есть ребенок)	0,74 (0,43)	0,75 (0,43)	0,73 (0,43)	0,73 (0,44)	0,76 (0,42)
Количество наблюдений	27272	22135	5137	3790	1347

Этнические нерусские индивиды с иммиграционным прошлым работают в месяц в среднем также больше (на 6,15 часа), чем местные работники, но их среднемесячный трудовой доход (8729,27) ниже по сравнению со среднемесячным трудовым доходом (9619,60) местных работников (см. табл. 1). Кроме того, между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками есть различия по уровню образования. Среди местных работников доля лиц с высшим образованием больше (29%), чем среди этнически нерусских индивидов (27%). А число лиц с общим средним образованием, наоборот, меньше среди местных работников (7%), чем среди этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым (11%).

Этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым реже (74%) проживают в городах, чем местные работники (79%). Их распределение по секторам экономики отличается от распределения местных работников. Они чаще заняты в сервисном секторе и реже в общественном секторе по сравнению с местными работниками и этнически русскими индивидами с иммиграционным прошлым (рис. 1).

Рис. 1. Распределение работников по секторам экономики, %

5. Эконометрическая модель

Разложение Блайндера – Оаксаки [Blinder, 1973; Оакаса, 1973] является классическим методом декомпозиции, используемым во многих работах для оценки дифференциации трудовых доходов и заработных плат между отдельными группами индивидов [Aldashev et al., 2012; Hofer et al., 2014; Montoya, Giordano, 2012]. Его основу составляет оценка минцеровского уравнения заработной платы для каждой анализируемой группы [Mincer, 1974]:

$$\ln(w) = X \times \beta + e, \quad (1)$$

где $\ln(w)$ – вектор логарифма заработных плат, X – матрица социально-демографических характеристик индивидов (возраст, квадрат возраста, уровень образования и опыт работы) [Jann, 2008; Brodmann, Polavieja, 2007], e – стандартная ошибка.

В данной работе мы используем двусоставный метод декомпозиции Блайндера – Оаксаки, оценивая уравнение следующего вида:

$$Gap_{earnings} = \underbrace{\{E(X_r) - E(X_m)\}' \beta^*}_{i} + \underbrace{\{E(X_r)'(\beta_r - \beta^*) + E(X_m)'(\beta^* - \beta_m)\}}_{ii} \quad (2)$$

где $Gap_{earnings}$ – разрыв в трудовых доходах между двумя группами, r – местные работники, m – индивиды с иммиграционным прошлым, X – матрица социально-демографических характеристик, β – коэффициенты регрессий, β^* – «недискриминационная» компонента.

Первая компонента уравнения (i) $i = \{E(X_r) - E(X_m)\}'\beta^*$ характеризует объяснимую часть дифференциации трудовых доходов местных работников и этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым, а β^* – вектор наблюдаемых переменных, характеризующий вклад различий в наблюдаемых социально-демографических характеристиках между двумя группами в дифференциацию их трудовых доходов. Вторая компонента (ii) $ii = \{E(X_r)'(\beta_r - \beta^*) + E(X_m)'(\beta^* - \beta_m)\}$ в уравнении характеризует необъяснимую часть дифференциации трудовых доходов. Часто ее (ii) трактуют как размер дискриминации. Однако это не вполне верно, поскольку она, помимо дискриминации, может включать в себя и разницу в способностях между индивидами, и эффект их самоотбора.

Исходя из этого двусоставная декомпозиция Блайндера – Оаксаки позволяет оценить лишь общий вклад наблюдаемых и ненаблюдаемых различий между группами в дифференциацию их трудовых доходов. Однако не дает возможности установить вклад отдельных ненаблюдаемых факторов в дифференциацию трудовых доходов между группами и, таким образом, объяснить ее причины.

Отчасти решить эту проблему позволяет детальная декомпозиция Блайндера – Оаксаки, на основе которой определяется вклад отдельных факторов (профессии, сектора, квалификации и др.) в дифференциацию трудовых доходов [Вакуленко, Леухин, 2016].

Однако детальная декомпозиция имеет один существенный недостаток. Она не учитывает неравномерность распределения (сегрегации) работников по секторам экономики и не оценивает ее вклад в дифференциацию трудовых доходов. А ведь индивиды с иммиграционным прошлым могут либо самоотбираться в низкооплачиваемые (высокооплачиваемые) сферы деятельности [Catanzarite, 2000; Waldinger, Bailey, 1991], либо, наоборот, не иметь доступа к некоторым рабочим местам [Meng, Zhang, 2001; Wei, Lu, 2007], что отразится на уровне их трудовых доходов по сравнению с местными работниками. Чтобы учесть влияние неравномерного распределения работников по секторам экономики, в исследовании использовалась модифицированная декомпозиция Блайндера – Оаксаки – двухшаговая декомпозиция Брауна [Brown et al., 1980]. С ее помощью оценивался вклад сегрегации и ненаблюдаемых различий в характеристиках индивидов с иммиграционным прошлым и местных работников в дифференциацию их трудовых доходов.

Вначале проводился расчет выбора индивидами сектора экономики (уравнение мультиномиальной логит-регрессии):

$$p_{nj}^k = \text{prob}(\gamma_n^k = j) = \frac{\exp(Z_n^k \gamma_j^k)}{\sum_{j=1}^J \exp(Z_n^k \gamma_j^k)}, \quad (3)$$

где $k = r, m$ (r – местные работники и m – индивиды с иммиграционным прошлым), p_{nj}^k – вероятность того, что индивид n занят в секторе j , N – размер выборки, J – количество секторов экономики, $n = 1, \dots, N$ и $j = 1, \dots, J$, Z – вектор социально-демографических характеристик индивидов, γ – коэффициенты контрольных переменных.

Далее рассчитывалось уравнение трудовых доходов с обратным соотношением коэффициента Миллса (λ_j^k), полученным из уравнения отбора:

$$\ln w_j^k = X_j^k \beta_j^k + \alpha_j^k \lambda_j^k + e_j^k, \quad (4)$$

где $k = r, m$ (r – местные работники и m – индивиды с иммиграционным прошлым), J – количество секторов экономики, $j = 1, \dots, J$; X – вектор социально-демографических характеристик индивидов.

Разложение дифференциации трудовых доходов осуществлялось на основании следующего уравнения:

$$\overline{\ln w^r} - \overline{\ln w^m} = \underbrace{\sum_{j=1}^J p_j^m \hat{\beta}_j^r (\overline{X_j^r} - \overline{X_j^m})}_{\text{i}} + \underbrace{\sum_{j=1}^J p_j^m \overline{X_j^m} (\hat{\beta}_j^r - \hat{\beta}_j^m)}_{\text{ii}} + \underbrace{\sum_{j=1}^J \overline{\ln w^r} (p_j^r - \hat{p}_j^m)}_{\text{iii}} + \underbrace{\sum_{j=1}^J \overline{\ln w^r} (\hat{p}_j^m - p_j^m)}_{\text{iv}} \quad (5)$$

Первая часть уравнения (5) (i) – дифференциация трудовых доходов по причине различий в наблюдаемых социально-демографических характеристиках индивидов, занятых внутри одного сектора экономики; третья часть уравнения (iii) – это межсекторная дифференциация трудовых доходов из-за наблюдаемых различий между секторами.

Вторая часть уравнения (ii) характеризует дифференциацию трудовых доходов по причине ненаблюдаемой разнородности между местными работниками и индивидами с иммиграционным прошлым внутри одного сектора. А четвертая часть уравнения (iv) описывает дифференциацию трудовых доходов в результате действия эффекта сегрегации (неравномерного распределения индивидов с иммиграционным прошлым и местных работников по секторам экономики).

6. Анализ результатов

Результаты оценки уравнений Минцера показывают, что на российском рынке труда отдача от высшего образования выше у местных работников и этнически русских индивидов с иммиграционным прошлым, чем у этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым. Более образованные местные работники и этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым имеют более высокий трудовой доход, чем этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым (табл. 2). На разную отдачу от образования у местных работников и иммигрантов указывают и исследователи в других странах [Islam, Parasnis, 2014].

Таблица 2. Результаты оценки уравнения Минцера

Переменная	Местные работники	Индивиды с иммиграционным прошлым (этнически русские)	Индивиды с иммиграционным прошлым (этнически нерусские)
Уровень образования (общее среднее и ниже = реферативная группа)			
Среднее профессиональное	0,05*** (0,01)	0,06** (0,02)	0,01 (0,04)
Высшее	0,22*** (0,01)	0,25*** (0,03)	0,18*** (0,05)
Специфический стаж, лет	0,00*** (0,00)	-0,00 (0,00)	0,00 (0,00)
Специфический стаж в квадрате	-0,00 (0,00)	0,00 (0,00)	-0,00 (0,00)
Возраст, количество лет	0,00*** (0,00)	6,99 (0,00)	0,00 (0,01)
Возраст в квадрате	-0,00 (0,00)	0,00 (0,00)	0,00 (0,00)
Гендерная принадлежность (1 = мужчина)	0,07*** (0,00)	0,06*** (0,01)	-0,01 (0,02)
Тип населенного пункта (1 = город)	0,09*** (0,00)	0,06*** (0,01)	0,25*** (0,02)
Годы	да	да	да
R ²	0,07	0,07	0,14

Уровни значимости: * $p < 10\%$; ** $p < 5\%$; *** $p < 1\%$.

Проживание в городе увеличивает заработную плату и местных работников, и всех индивидов с иммиграционным прошлым. Однако у этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым данный эффект проявляется сильнее, чем у остальных групп. Так, проживание этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым в городе дает им прирост трудовых доходов в размере 25%, а местным работникам только в размере 9% (см. табл. 2). Вероятно, этнически нерусским индивидам легче найти работу на рынках

труда городов, на которых выше спрос на рабочую силу, чем на рынках труда малых населенных пунктов (деревень). Кроме того, в силу более высокого уровня разделения труда и развития сферы услуг на рынках труда городов, им проще найти рабочие места, соответствующие их знаниям, навыкам и этнической профессиональной специализации.

Исходя из наблюдаемых и ненаблюдаемых различий между группами, этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым зарабатывают в среднем на 2% больше, а этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым в среднем на 13% меньше, чем местные работники (табл. 3).

Таблица 3. Дифференциация трудовых доходов индивидов с иммиграционным прошлым и местных работников с использованием декомпозиция Блайндера – Оаксаки

	Индивиды с иммиграционным прошлым			
	Этнически русские		Этнически нерусские	
Логарифм трудовых доходов	Коэффициент	%	Коэффициент	%
Общая разница	-0,02* (0,00)	100	0,13*** (0,01)	100
Объяснимая часть	0,004 (0,00)	20	0,018*** (0,00)	13,85
Необъяснимая часть	-0,024** (0,00)	-120	0,112*** (0,01)	86,15

Уровни значимости: * $p < 10\%$; ** $p < 5\%$; *** $p < 1\%$.

Из результатов следует, что вклад ненаблюдаемой разнородности между русскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками является положительным, поскольку сокращает дифференциацию их трудовых доходов. С одной стороны, это может означать, что ненаблюдаемые характеристики (способности) двух групп являются схожими и способствуют сокращению между ними дифференциации трудовых доходов. С другой стороны, это может свидетельствовать о том, что отдачи на отдельные ненаблюдаемые характеристики у двух групп различаются, и у этнически русских индивидов с иммиграционным прошлым отдача на одни и те же ненаблюдаемые характеристики выше, чем у местных работников. Такими ненаблюдаемыми характеристиками могут быть коммуникационные способности или социальные сети, которые поддерживают этнически русских индивидов с иммиграционным прошлым.

Другой результат наблюдается по этнически нерусским индивидам с иммиграционным прошлым. Дифференциация трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками объясняется на 13,85% их различиями в наблюдаемых характеристиках и на 86,15% их ненаблюдаемыми различиями (табл. 3). Результаты также показывают, что этнически нерусские индивиды с иммиграци-

онным прошлым сконцентрированы главным образом в сервисном секторе в отличие от местных работников и этнически русских индивидов с иммиграционным прошлым. Поскольку этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым имеют схожее с местными работниками распределение по укрупненным секторам экономики, то дальнейший анализ дифференциации трудовых доходов проводился только для этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым и местных работников с использованием метода декомпозиции Брауна [Brown et al., 1980].

На первом шаге оценивались факторы, которые влияют на выбор сектора экономики работниками каждой группы (табл. 4).

Таблица 4. Выбор сектора экономики (мультиномиальная логит-регрессия)

	Местные работники		Этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым	
	Базовая группа (1) = реальный сектор			
	Сервисный сектор (2 = да)	Бюджетный сектор (3 = да)	Сервисный сектор (2 = да)	Бюджетный сектор (3 = да)
Уровень образования (общее среднее и ниже = реферативная группа)				
Среднее профессиональное	0,17*** (0,06)	0,23** (0,10)	-0,07 (0,23)	1,47 (2,49)
Высшее	0,09 (0,07)	0,03 (0,11)	-0,13 (0,28)	1,14 (2,52)
Возраст	-0,01 (0,01)	-0,03* (0,01)	-0,11** (0,05)	-0,11 (0,08)
Возраст в квадрате	0,00 (0,00)	-0,00*** (0,00)	0,00** (0,00)	0,00* (0,00)
Специфический стаж	-0,01*** (0,00)	0,07*** (0,00)	0,06* (0,03)	0,15*** (0,04)
Специфический стаж в квадрате	-0,00 (0,00)	-0,00*** (0,00)	-0,00** (0,00)	-0,00*** (0,00)
Гендерная принадлежность (1 = мужчина)	-0,10*** (0,04)	-1,03*** (0,05)	-0,45*** (0,15)	-1,87*** (0,28)
Семейный статус (1 = в браке)	-0,07 (0,05)	-0,15** (0,06)	-0,37* (0,19)	-0,29 (0,32)
Наличие детей (1 = есть ребенок)	-0,10** (0,04)	0,10 (0,06)	-0,37** (0,19)	-0,29 (0,32)
Тип населенного пункта (1 = город)	-0,06 (0,04)	-0,64*** (0,05)	0,17 (0,14)	-0,32 (0,31)
Года	да	да	да	да
Профессиональная группа	да	да	да	да
Логарифм коэффициента правдоподобия	-18806,80		-1011,76	
Псевдо R2	0,19		0,25	

Уровни значимости: * $p < 10\%$; ** $p < 5\%$; *** $p < 1\%$.

Результаты показали, что мужчины обеих групп реже заняты в сервисном и общественном секторах экономики и чаще трудятся в реальном секторе экономики. А более продолжительный стаж работы на одном предприятии индивидов обеих групп положительно влияет на их шансы быть занятыми в общественном секторе экономики.

Полученные оценки декомпозиции свидетельствуют, что этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым получают в среднем на 13% меньше, чем местные работники, что совпадает с результатами оценок, проведенных с использованием метода декомпозиции Блайндера – Оаксаки (табл. 5).

При этом вклад объяснимой части в дифференциацию их трудовых доходов, рассчитанный по методу Брауна, составил 6,92% (табл. 5). И в отличие от оценок, полученных по методу двусоставной декомпозиции Блайндера – Оаксаки (13,85%), он скорректирован на выбор индивидами сектора занятости и в связи с этим является более точным.

Результаты свидетельствуют также, что дифференциация трудовых доходов двух групп внутри одного и того же сектора экономики, в котором они заняты, объясняется лишь на 6,15% их различиями в наблюдаемых социально-демографических характеристиках.

Таблица 5. Дифференциация трудовых доходов этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым и местных работников с использованием декомпозиции Брауна

Логарифм трудовых доходов	Коэффициент	%
Общая разница	0,13***	100
Объяснимая часть	0,009**	6,92
Внутрисекторная разница	0,008***	6,15
Межсекторная разница	0,001	0,77
Необъяснимая часть	0,121***	93,07
Внутрисекторная разница	0,062	47,69
Межсекторная разница	0,036*	27,69
Константа	0,023	17,69

Уровни значимости: * $p < 10\%$; ** $p < 5\%$; *** $p < 1\%$.

Вклад необъяснимой составляющей в дифференциацию трудовых доходов с использованием декомпозиции Брауна оказался существенно выше (93,07%) (см. табл. 5), чем при расчетах по методу Блайндера – Оаксаки (86,15%) (см. табл. 3). Он включал внутрисекторную ненаблюдаемую разницу между двумя группами, которая оказалась незначимой (см. табл. 5), и межсекторные ненаблюдаемые различия между местными работниками и этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым, которые формируются под воздействием эффекта неравного доступа этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым к рабочим местам, а также эффекта их самоотбора в определенные

сектора экономики. Контролируя эффект самоотбора, мы можем для полученных результатов констатировать, что вклад неравномерного распределения местных работников и этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым по секторам экономики в дифференциацию трудовых доходов составил 27,69% (см. табл. 5).

Подводя итог, можно сделать несколько выводов. Первый вывод состоит в том, что на российском рынке труда этничность индивидов влияет на уровень их трудовых доходов. Этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым проигрывают по уровню трудовых доходов не только местным работникам, но и этнически русским индивидам с иммиграционным прошлым.

Среди этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым есть те, кто имеет гражданство России и, следовательно, относительно длительное время пребывает на российском рынке труда. Однако длительное пребывание этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым на российском рынке труда не сближает их по уровню трудовых доходов с местными работниками. Таким образом, этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым с течением времени слабо интегрируются и ассимилируются с местной рабочей силой.

Второй вывод заключается в том, что большая часть дифференциации трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками объясняется не различиями в социально-демографических характеристиках или неравенством трудовых доходов по секторам экономики, в которых они заняты, а ненаблюдаемыми различиями между двумя группами.

Третий вывод: дифференциация трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками возникает в значительной мере по причине сегрегации рабочих мест, т.е. в связи с неравным доступом этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым и местных работников к рабочим местам по секторам экономики. Сегрегация объясняет почти 30% дифференциации трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками.

7. Заключение

Количество внешних иммигрантов на российском рынке труда с каждым годом увеличивается. При этом их большую часть составляют жители бывших республик Советского Союза. Среди них есть как этнически русские индивиды, которые вернулись в Россию после распада Советского Союза, так и этнически нерусские индивиды, которые родились не в России, но трудятся на ее территории уже длительное время и получили рос-

сийское гражданство. Все эти индивиды относятся к лицам с иммиграционным прошлым и являются объектом данного исследования.

Предмет исследования заключался в проверке гипотезы о неравенстве трудовых доходов между местными работниками и индивидами с иммиграционным прошлым. Предполагалось, что различия в этничности индивидов с иммиграционным прошлым будут оказывать влияние на размеры дифференциации их трудовых доходов по сравнению с трудовыми доходами местных работников. В результате были выполнены проверки различий в дифференциации трудовых доходов между местными работниками и двумя группами индивидов с иммиграционным прошлым, этнически русскими и этнически нерусскими.

Ранее такого рода исследования на российских данных не проводились. Было лишь установлено, что большинство внешних иммигрантов, которые попадают на российский рынок труда, имеют трудовые доходы ниже, чем трудовые доходы местных работников [Вакуленко, Леухин, 2016; Григорьева, Мукомель, 2014; Чернина, Локшин, 2013; Commander, Denisova, 2012; Зайончковская, Тюрюканова, 2010].

Кроме того, в российских исследованиях почти не уделялось внимание вопросам влияния этничности на дифференциацию трудовых доходов. Однако интерес к такой тематике постоянно растет, поскольку поток иммигрантов в страну из других стран увеличивается. В связи с этим рабочая сила на российском рынке труда становится все более многонациональной и разнородной по своим характеристикам. Вновь прибывшие работники не всегда ассимилируются с местной рабочей силой, а рынок труда может быть к этому не готов. Насколько успешно осуществляется ассимиляция индивидов с иммиграционным прошлым на российском рынке труда, проявляется в том числе в дифференциации их трудовых доходов по сравнению с трудовыми доходами местных работников. Индивиды с иммиграционным прошлым в подавляющем большинстве давно находятся на российском рынке труда. Однако имеют ли они возможность зарабатывать трудовые доходы, которые по уровню схожи с трудовыми доходами местных работников? В данном исследовании оценивалась дифференциация трудовых доходов этих двух групп и анализировались причины различий в их трудовых доходах.

Анализ проводился на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (2004–2012 гг.) с использованием метода декомпозиции Блайндера – Оаксаки [Blinder, 1973; Оаксака, 1973] и метода декомпозиции Брауна [Brown et al., 1980]. В ходе расчетов был определен вклад наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов, а также неравномерного распределения индивидов по секторам экономики в дифференциацию трудовых доходов между индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками.

Результаты анализа показали, что по наблюдаемым социально-демографическим характеристикам и распределению по секторам этнически русские индивиды с иммиграцион-

ным прошлым схожи с местными работниками. Трудовые доходы этнически русских индивидов с иммиграционным прошлым на 2% выше трудовых доходов местных работников.

При этом трудовые доходы этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым на 13% ниже трудовых доходов местных работников. Эти две группы индивидов различаются по своим социально-демографическим характеристикам и по-разному распределены по секторам экономики. При помощи метода Блайндера – Оаксаки было выявлено, что 13,85% дифференциации в трудовых доходах объясняется различиями в их наблюдаемых характеристиках, а на различия в ненаблюдаемых характеристиках приходится 86,15%.

Согласно результатам, полученным по методу Брауна, была подтверждена дифференциация трудовых доходов местных работников и этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым. Однако, учитывая неравномерность распределения индивидов по секторам экономики, она объясняется лишь на 6,15% их различиями в наблюдаемых социально-демографических характеристиках, а вклад необъяснимой части в дифференциацию трудовых доходов существенно выше (93,07%). Причина различий результатов объясняется разницей двух методов расчета. Метод декомпозиции Брауна более точно выявляет причины ненаблюдаемых различий между индивидами. По сравнению с методом Блайндера – Оаксаки он учитывает не только различия в их социально-демографических характеристиках, но и неравномерность распределения индивидов двух сравниваемых групп по секторам экономики (профессиям и т.п.)

Расчеты, выполненные с использованием двух методов – Блайндера – Оаксаки и Брауна, дают в целом схожие результаты и указывают на то, что на российском рынке труда большая часть неравенства в трудовых доходах между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками объясняется ненаблюдаемыми различиями.

При этом основная причина неравенства трудовых доходов состоит в неравном распределении местных работников и этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым по секторам экономики. Это неравенство может быть вызвано как неравным доступом этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым к рабочим местам (сегрегацией), так и их самоотбором в определенные сектора экономики. После контроля на самоотбор было установлено, что вклад сегрегации в дифференциацию трудовых доходов местных работников и этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым составляет 27,69%.

Для сравнения, в Израиле влияние сегрегации на неравенство трудовых доходов еще выше (70%) [Neuman, Silber, 1996], а в Китае это влияние сравнимо с российским уровнем (37%) [Wei, Lu, 2007].

Подводя итоги, можно констатировать, что на российском рынке труда большая часть дифференциации трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками объясняется не их различиями в социально-демографических характеристиках, а ненаблюдаемыми различиями между двумя группами. Эти ненаблюдаемые различия, приводящие к неравенству трудовых доходов двух групп, свидетельствуют, с одной стороны, о том, что на российском рынке труда этничность индивидов влияет на уровень их трудовых доходов, а с другой стороны, о том, что этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым, длительное время находясь на российском рынке труда, плохо ассимилируются с местными работниками по сравнению с этнически русскими индивидами с иммиграционным прошлым. Этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым проигрывают по уровню трудовых доходов не только местным работникам, но и этнически русским индивидам с иммиграционным прошлым.

Дифференциация трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками возникает в значительной мере по причине сегрегации рабочих мест, т.е. неравного доступа индивидов к рабочим местам по секторам экономики. В результате секторная сегрегация увеличивает почти на 30% неравенство трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками.

Результаты, полученные в рамках данной работы, являются первыми по России и требуют продолжения исследований по данной теме. Разработка темы о лицах с иммиграционным прошлым имеет значение в условиях увеличения количества иностранной рабочей силы на российском рынке труда. Сведения об индивидах, прибывающих особенно интенсивно из бывших республик Советского Союза и остающихся длительное время на российском рынке труда, могли бы использоваться для разработки мероприятий для политики на российском рынке труда и для политики занятости. В дальнейших исследованиях необходимо уделить большее внимание анализу различных причин дифференциации трудовых доходов между индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками. Следует подробнее оценить влияние на дифференциацию трудовых доходов самоотбора работников в сектора экономики и на отдельные рабочие места при помощи более сложных эмпирических методов и процедур тестирования. Наряду с секторной сегрегацией рабочих мест, необходимо оценить масштабы профессиональной сегрегации и проанализировать ее влияние на дифференциацию трудовых доходов местных работников и индивидов с иммиграционным прошлым.

Литература

Вакуленко Е., Леухин Р. (2016) Дискриминируются ли иностранные работники на российском рынке труда? // Экономическая политика. № 11 (1). С. 121–142.

Григорьева К., Мукомель В. (2014) Мигранты и россияне на рынке труда: условия, режим труда, заработная плата. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В.И. Мукомель. М.: Центральный дом адвоката, Московское бюро по правам человека, Academia. С. 82–99.

Зайончковская Ж., Тюрюканова Е. (2010) Миграция и демографический кризис в России. М.: МАКС Пресс.

Захаров С. (2015). Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / рук.: С.В. Захаров, А.Г. Вишневский; отв. ред.: С.В. Захаров. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ.

Ионцев В., Ивахнюк И. (2012) Аналитический доклад по проекту на тему: Роль международной трудовой миграции для экономического развития России. CARIM-East RR2012/28, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute. Режим доступа: <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-2012-RU-28.pdf> (дата обращения: 05.05.16).

Локшин М., Чернина Е. (2013) Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата // Экономический журнал ВШЭ. № 17 (1). С. 41–74.

Смирных Л., Полякова Е. (2015) Дифференциация трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками на российском рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. № 3. С. 65–74.

Aldashev A., Gernandt J., Thomsen S. (2012) The Immigrant-Native Wage Gap in Germany. Jahrbücher Für Nationalökonomie Und Statistik // Journal of Economics and Statistics. No. 232 (5). P. 490–517.

Andrienko Y., Guriev S. (2005) Understanding migration in Russia: a policy note. Resource document / Center for Economic and Financial Research at New Economic School, CEFIR Policy Paper series, 23. URL: www.cefir.ru/download.php?id=216 (дата обращения: 05.05.2016).

Arcand J. (2004) Racial discrimination in the Brazilian labour market: wage, employment and segregation // Journal of International Development. No. 16 (8). P. 1053–1066.

Bartolucci C. (2010) Understanding the Native-Immigrant Wage Gap Using Matched Employer-Employee Data: Evidence from Germany. Carlo Alberto Notebooks, 150. URL: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:cda:wpaper:150> (дата обращения: 05.05.2016).

Bauer T., Epstein G., Gang I. (2005) Enclaves, Language, and the Location Choice of Migrant // *Journal of Population Economics*. No. 18 (4). P. 649–662.

Behtoui A. (2004) Unequal opportunities for young people with immigrant backgrounds in the Swedish labour market // *Labour*. No. 18. P. 633–660.

Blinder A.S. (1973) Wage discrimination: Reduced form and structural estimates // *Journal of Human Resources*. No. 8. P. 436–455.

Bratsberg B., Barth E., Raaum O. (2006) Local unemployment and the relative wages of immigrants: Evidence from the current population surveys // *The Review of Economics and Statistics*. No. 88 (2). P. 243–263.

Brown R., Moon M., Zoloth B. (1980) Incorporating occupational attainment in studies of male-female earnings differentials // *Journal of Human Resources*. No. 15 (1). P. 3–28.

Cabral S., Duarte C. (2013) Mind the Gap! The Relative Wages of Immigrants in the Portuguese Labour Market: Working Paper. Banco de Portugal. URL : <https://www.bportugal.pt/en-US/BdP%20Publications%20Research/wp201305.pdf> (дата обращения: 05.05.16).

Catanzarite L. (2000) Brown-Collar Jobs: Occupational Segregation and Earnings of Recent-Immigrant Latinos // *Sociological Perspectives*. No. 43. P. 45–75.

Commander S., Denisova I. (2012) Are skills a constraint on firms? New evidence from Russia: IZA Discussion paper, 7041. URL: <http://ftp.iza.org/dp7041.pdf> (дата обращения: 05.05.16).

Farer T. (1995) How the International System Copes with Involuntary Migration: Norms, Institutions and State Practice // *Human Rights Quarterly*. No. 17 (1). P. 72–100.

Fontaine F. (2008) Why are similar workers paid differently? The role of social networks // *Journal of Economic Dynamics and Control*. No. 32. P. 3960–3977.

Glitz A. (2000) Ethnic Segregation in Germany // *Labour Economics*. No. 29. P. 28–40.

Gordon H. (2005) Why Does Immigration Divide America? Public Finance and Political Opposition to Open Borders. Washington, DC: Institute for International Economics. URL: https://gps.ucsd.edu/_files/faculty/hanson/hanson_publication_immigration_divide.pdf (дата обращения: 05.05.16).

Hansen J., Wahlberg R., Faisal S. (2010) Wages and Immigrant Occupational Composition in Sweden / Institute for the Study of Labor. IZA Discussion Papers 4823. URL: <http://ftp.iza.org/dp4823.pdf> (дата обращения: 05.05.16).

Hofer et al. (2014) Wage discrimination against immigrants in Austria? University of Linz Working Paper No. 1406. URL: <http://www.laborrn.at/wp/2014/wp1407.pdf> (дата обращения: 05.05.2016).

Islam A., Parasnis J. (2014) Immigrant – Native Wage Inequality across Occupational Sectors in Australia: Monash Economics Working Papers. No. 14 (4). URL: https://www.melbourneinstitute.com/downloads/hilda/Bibliography/Working_Discussion_Research_Papers/2014/Islam_etal_1414_immigrantislamparasnis.pdf (дата обращения: 05.05.2016).

Lazareva O. (2015) Russian migrants to Russia: assimilation and local labor market effects // *IZA Journal of Migration*. No. 4. P. 20.

Lazear E.P. (1999) Culture and language // *Journal of Political Economy*. No. 107 (6). P. 95–126.

Lehmer F., Ludsteck J. (2011) The immigrant wage gap in Germany are East Europeans worse off? // *International Migration Review*. No. 45 (4). P. 872–906.

Meng X., Zhang J. (2001) The Two-Tier Labor Market in Urban China: Occupational Segregation and Wage Differentials between Urban Residents and Rural Migrants in Shanghai // *Journal of Comparative Economics*. No. 29. P. 485–504.

Mincer J. (1974) *Schooling, Experience and Earnings*. N.Y.: National Bureau of Economic Research.

Montoya S., Giordano V. (2012) Immigrants Wage Gap in the Great Buenos Aires Labor Market: How Important Are Differences in Human Capital? Documento de Trabajo. Facultad de Ciencias Económicas. Escuela de Economía Francisco Valsecchi, 36. URL: <http://bibliotecadigital.uca.edu.ar/repositorio/investigacion/immigrants-wage-gap-great.pdf> (дата обращения: 05.05.2015).

Neuman S., Silber J. (1996) Wage discrimination across ethnic groups: evidence from Israel // *Economic Inquiry*. No. 34. P. 648–661.

Oaxaca R. (1973) Male-female wage differentials in urban labor markets // *International Economic Review*. No. 14. P. 693–709.

Waldinger R., Bailey T. (1991) The Continuing Significance of Race: Racial Conflict and Racial Discrimination in Construction // *Politics & Society*. No. 19. P. 291–323.

Wei X., Lu R. (2007) Labor market segregation and the wage differential between resident and migrant workers in China. Resource document. Working paper, Lingnan University. URL: http://www.aiel.it/Old/bacheca/NAPOLI/C/WEI_LU.pdf (дата обращения: 05.05.2015).

Wright R., Ellis M. (2000) The Ethnic and Gender Division of Labor Compared Among Immigrants to Los Angeles // *International Journal of Urban and Regional Research*. No. 24 (3). P. 583–600.

Zorlu A. (2013) Occupational adjustment of immigrants in the Netherlands // *Journal of International Migration and Integration*. No. 14 (4). P. 711–731.

Polyakova, Evgeniya, Smirnykh, Larisa I.

The Earning Differential between Natives and Individuals with Immigrant Background in Russia: does Ethnicity Matter? [Electronic resource] : Working paper WP15/2016/03 / E. Polyakova, L. Smirnykh ; National Research University Higher School of Economics. – Electronic text data (800 Kb). – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2016. – 28 p. (In Russian.)

In this paper we analyze the magnitude and grounds of the earning differential between individuals with immigrant background and native workers in Russia and consider the role of ethnicity in this earning gap. The data set used is from the Russian longitudinal monitoring survey from 2004–2012. The main methods are twofold Blinder – Oaxaca decomposition and Brown decomposition.

The results show that ethnically Russian individuals with immigrant background possess very similar social demographic characteristics and distribution across sectors compared to natives. Ethnically Russian individuals with immigrant background in average earn 2% more than natives, in turn, not ethnically Russian individuals with immi-grant background in average earn 13% less than native workers. Segregation plays considerable role in the earning differential and accounts for 30% of the total earning gap.

JEL Classification: J61; J15; J21; J31; J23

*Препринт WP15/2016/03
Серия WP15
Научные труды
Лаборатории исследований рынка труда*

Полякова Евгения Юрьевна, Смирных Лариса Ивановна

**Дифференциация трудовых доходов между
местными работниками и индивидами с иммиграционным
прошлым: имеет ли значение этничность?**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Изд. № 1969